

The background of the book cover is a black and white photograph of a Gothic cathedral, possibly the St. Elizabeth's Church in Brno, viewed through several strands of barbed wire. The wire is in sharp focus in the foreground, creating a grid-like pattern over the cathedral's facade. The cathedral features multiple spires, pointed arches, and intricate stonework. A white van is parked on the street in front of the building. In the top right corner, there is a circular badge with the text '12+'.

12+

Марк Рабинович

*Приговоренные
к жизни*

Марк Рабинович

Приговоренные к жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48638042

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96309-2

Аннотация

В палате израильской больницы встречаются постаревшие узник гетто и бывший палач-эсэсовец. Палач предлагает узнику судить себя и его жизнь, которую он прожил совсем не так, как начал. Из разговоров и споров, которые они ведут на протяжении двух дней, выясняется, что каждый из них прожил чужую жизнь. И вскоре уже непонятно, кто кого судит.

Содержание

Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998	5
Понары, Литва, 1942	22
Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марк Рабинович

Приговоренные к жизни

Copyright © 2019 by Mark Rabinovich

Коллаж на обложке создан автором и использует фотографии с сайтов:

<https://creativecommons.org> – CC0 license

<https://pixabay.com> – no license needed

Приговоренные к жизни

Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998

Как ни отмывай, как ни дезинфицируй каждый квадратный сантиметр, все равно в больнице остается слабый, едва уловимый, но явственный запах. Вот человека приводят в комнату со светлыми стенами, дают порцию разноцветных таблеток, колют иглами, мнут умелыми руками. Тогда человек выздоравливает и быстро покидает светлую комнату стараясь не задержаться ни на минуту более чем нужно. Он торопится, его подталкивает тот едва уловимый, на уровне подсознания, запах. Павел Семенович называл его про себя "запахом безнадежности". Возможно, думал он, его оставили те, кто ушел отсюда в свой последний путь. Должно же хоть что-то остаться от человека. Павла Семеновича этот запах не беспокоил. Да и может ли игра подсознания смутить кадрового офицера, правда уже бывшего? Не смущала его, полежавшего, в свое время, в гарнизонных госпиталях, и переполненная палата. Он не так давно жил в Израиле, но был слышан о том, что в стране почти не строят новых больниц, по-видимому – из-за нехватки земли под строительство. Поэтому больницы росли вверх и во все стороны, обрастая самыми немислимыми пристройками. Умиляли и эти коридо-

ры, идущие в непредсказуемых направлениях, и лестницы, поднимаясь по которым, ты вдруг оказывался в совершенно другом здании, и верхние этажи, удивительным образом переходящие в подвалы. Да, эта архитектура была рассчитана на крепкую психику, впрочем, Павел Семенович на нервы не жаловался. Он вообще не жаловался на здоровье и справедливо считал себя крепким стариком, пока однажды их семейный врач, укоризненно покачав головой, не предложил Павлу Семеновичу, как он выразился – "немного понаблюдаться". Никогда бы он сам не согласился "понаблюдаться", но жена настояла, и вот он здесь, в палате на троих, в которую еще добавили одну кровать и уложили на нее пожилого араба. Араб был, судя по количеству навещающих его родственников, из самой глухой деревни, иврита не знал, общаться с ним не было никакой возможности. Да и не с моим ивритом общаться, думал Павел Семенович, оглядывая соседей по палате. Йеменец¹ средних лет на койке слева только постанывал после операции и почти все время спал. А последний сосед, получивший самую лучшую койку – у окна, тоже не подавал признаков жизни, отгороженный глухой занавеской.

Поэтому, когда дежурная медсестра, предложила ему перейти в другую палату, он не только не возражал, но даже обрадовался. Медсестра была симпатичной марокканкой средних лет, с которой Павел Семенович немного, в рамках при-

¹ "йеменец", "марокканец" и т.п., – еврей соответствующего происхождения.

личия и знаний языка, флиртовал от скуки. Любой флирт, даже самый невинный, не исключает прагматического интереса. Был такой и у Павла Семеновича. От медсестры, которая ему явно благоволила, он узнал, что уже пришли его анализы, ничего у него не обнаружено, и от выписки его отделяет только пара-тройка формальных проверок, которые, однако могут занять день или два, а там уже наступит суббота, так что куковать ему здесь по крайней мере до воскресенья. Фамилию Павла Семеновича она выговаривала очень смешно – Буколов², коверкая первую букву и делая ударение на последнем слоге. А может быть это, в своем роде, возвращение к истокам, подумал Павел Семенович? Ведь жена же объяснила, что их фамилия имеет греческие корни и созвучна слову "буколический".

– Какие истоки, Вуколов ты липовый? – тут-же подумалось ему, но на эту тему он запретил себе думать много лет назад и привычно загнал ненужную мысль поглубже в подсознание.

В новой палате было полутемно, и Павел Семенович, невольно замедлив шаги, вошел, даже прокрался, незаметно, стараясь не делать лишнего шума. И напрасно – новый сосед не спал, из совсем уже темного угла, в котором стояла его кровать, доносились негромкие гитарные аккорды. Немного хрипловатый голос напевал:

² Пример неоднозначности чтения иностранных слов, написанных ивритскими буквами.

Снег упал на базальтовый склон
...поседали дома
Я в недолгий мороз влюблен
...на Голанах³ – зима
Запорошенный шрам скалы
...снег не падает вниз
Лишь пятнают его следы
...обезумевших лис
Ночь разбрызгала белый свет
...на унылом плато
И звезда покивает вслед
...если что-то не то
Голубые сугробов горбы
...сторожат вдоль дорог
И таинственный свет луны
...необычен и строг
Но недолгий зимы покой
...не продлится и дня
Полдень выплавит солнца зной
...обнажится земля
И последний снежок зимы
...унесется один
Посылая глоток воды
...ожиданию равнин
Я безмолвно печаль несу

³ Голанские высоты

...эта ноша легка

Снег упал на мою судьбу

..и не стаял...пока

Неизвестный больной, лицо которого скрывал полумрак дальнего конца комнаты, пел хоть и неумело, но с чувством, и Павел Семенович невольно заслушался. Слова песни певец произносил чисто и свободно, но натренированный слух старого артиллериста сразу определил, что русский исполнителю не родной. Акцент, почти незаметный, тоже был каким-то странным. Это не был ни говор хорошо поживших на Ближнем Востоке израильтян, которые тянут звуки в паузах, ни русский язык американских евреев, которые забавно смягчают окончания, ни акцент местечковых ашкеназов⁴ со смещенными ударениями. Павлу Семеновичу этот необычный говор был, казалось бы, совсем незнаком и, в тоже время что-то смутно напоминал где-то там, на самом краю подсознания.

Но тут гитарные аккорды прервались и он поспешил сказать: "Не помешаю?"

– Мир входящему... – донеслось из угла.

– Мне сказали что вы сами хотели соседа. А то неудобно как-то. Была отдельная палата, а теперь....

– Все верно. Видите-ли – как-то неуютно умирать в одиночестве – Это прозвучало неожиданно, и Павел Семенович машинально пробормотал:

⁴ Евреи европейского происхождения.

– Ну что вы так. Выглядите вы совсем неплохо.

– Я тоже так думаю. Но у моих почек, знаете-ли, сложилось свое мнение. Впрочем, против трех-четырёх месяцев они не возражают – слышалось из угла. В голосе нового соседа сквозила ирония, направленная впрочем явно не на Павла Семеновича. Зато теперь стала понятной и довольно просторная палата на двоих и непонятное смущение медсестры, предлагавшей ему перевод. Отступить было не в привычках отставного артиллериста, да и не было у него никаких предубеждений, а уж умирающих он навидался за свою долгую жизнь. К тому же сосед по палате был, очевидно, неординарным человеком, пробуждающим несомненный интерес. Совсем уже не зная, что сказать, Павел Семенович пробурчал:

– Извините...

– За что? Это вы извините, что так ошаршил. И, если не хотите соседствовать с умирающим, то я вас пойму и не обижусь.

Лицо говорившего оставалось в тени, но голос звучал четко и ясно. Акцент тоже, казалось бы исчез, или просто Павел Семенович перестал его замечать.

– Я вообще-то бывший военный, кое-где бывал и кое-что там видел – Павел Семенович понемногу приходил в себя – У вас-то, по крайней мере, руки-ноги на месте, простите за цинизм.”

– Ой, да бросьте вы извиняться! Я хоть в армии и не слу-

жил, зато за 30 лет в стране тоже кое-что повидал – голос соседа был по прежнему ироничен, но это более не настораживало Павла Семеновича, скорее начинало казаться естественным.

– Ну тогда позвольте представиться – Павел Семенович Вуколов – пробормотал он, еще не совсем оправившись от смущения.

– Очень приятно – последовала небольшая пауза и сосед сказал:

– Имя вроде не совсем еврейское?

– Вообще-то я еврей по жене – эту формулировку Павел Семенович придумал сам и очень ей гордился как самым верным и коротким объяснением его статуса. Не будешь же всем и каждому рассказывать что жена у тебя еврейка, а сам ты гой⁵ необрезанный. Последнее, впрочем было не совсем верно, и пару раз вызывало непредвиденные вопросы в гарнизонной бане, но на этот случай у Павла Семеновича было придумана весьма правдоподобная история про дедушку-татарина.

– Nobody's perfect⁶ – слышалось из угла.

– Что, позвольте? – сказано было, похоже, по английски, а английским Павел Семенович не владел. В послевоенном артиллерийском училище языком “вероятного противника” по

⁵ Не еврей (идиш, иврит).

⁶ Заключительная фраза из фильма “Some like it hot” (1959). В советском прокате – “В джазе только девушки”.

инерции считался немецкий, который давался ему легко, подозрительно легко, хотя курсант Вуколов всячески старался, чтобы его успехи в немецком не слишком бросались в глаза.

– Да так, ничего... А здесь вы по какому поводу? Тоже последняя остановка?

Разговор начал переходить в стандартное медицинское русло и Павел Семенович почувствовал себя увереннее:

– Нет, мне вроде-бы приговор отменили. Теперь жду результатов анализов. Вот вы сказали "последняя остановка"?

– Еврейский юмор, знаете-ли.

– Знаю, как не знать. Смех сквозь слезы. Только это и спасало нас в гетто – сказал Павел Семенович и тут же пожалел об этом.

– В гетто? В каком гетто? – в голосе соседа прозвучало и недоумение и любопытство.

– В вильнюсском гетто... – Павел Семенович подумал и решил, что отступать уже поздно. Да и все равно никто не поверит.

– Про Понары⁷ слышали? – спросил он.

Голос соседа, еще недавно не по старчески звонкий, теперь звучал глухо и напряженно:

– Кто же не слышал – похоже, он отвернулся от собеседника, хотя полумрак не позволял это увидеть.

– Ну не скажите... Многие не слышали, а иным – все равно.

⁷ Поселок под Вильнюсом, место массового расстрела евреев.

Павла Семеновича несколько насторожила странная реакция человека в тени. Но голос соседа снова стал звонким и ироничным:

– Тут иных нет... Но я не совсем понимаю. Вуколов Павел... Семенович? И вильнюсское гетто, Понары. Как-то не очень...

На слове "Понары" он запнулся, как будто что-то мешало ему выговорить это, казалось бы, совершенно обычное название. Не договорив фразы, сосед ждал реакции собеседника. Напряженная тишина казалось растекалась по комнате. Нехотя, почти против своей воли Павел Семенович сказал:

– Долгая история. Я ведь не всегда был Вуколовым.

– Я бы послушал долгую историю – голос продолжал звучать четко, но нотки иронии куда-то исчезли.

– Это не так уж интересно, да и мне не слишком приятно. Быть жертвой – не самая приятная роль.

Павел Семенович решительно не понимал, куда заведет его странный разговор, но и отступить не собирался.

– Что может быть хуже? – спросил он, не ожидая ответа.

Но ответ немедленно последовал:

– Наверное – быть палачом.

Этого Павел Семенович ожидал меньше всего. Разговор начинал становиться интересным и он отреагировал сразу:

– Ну это уже где-то за гранью, такое мне трудно себе представить...

– А вы пробовали?

– Пробовал что?

– Представить себе то что чувствует палач.

– Ничего он не чувствует. Откуда у него чувства? – Павел

Семенович сообразил, что сказал глупость – Ну нет, он конечно что-то такое... – он запнулся, не зная как продолжить фразу, но собеседник пришел ему на помощь, прервав его:

– А что ощущал тот который повесил Эйхмана⁸?

– Это не одно и то же. Эйхмана следовало повесить – Павел Семенович начал сердиться.

– И исполнитель приговора искренне верил в это. А если те что стреляли в Понарах, тоже искренне верили, верили в какую-нибудь нелепую чушь. Во что только люди не верят по глупости...и по молодости.

– Так ведь можно все что угодно оправдать – возмутился Павел Семенович.

– Нет! – человек в тени казалось выкрикнул это слово и Павел Семенович невольно вздрогнул.

– Оправдать невозможно... – не совсем правильно сказал голос из тени и сам себя поправил:

– Нельзя,...невозможно.

Эта оговорка проскользнула почти незаметно для Павла Семеновича. Только подспудно мелькнула мысль: "Как зна-

⁸ Нацистский преступник, выкраденный израильскими спецслужбами и повешенный после суда. Одна из двух смертных казней, совершенных в Израиле за годы его существования.

комо... Где же так говорят⁹?" Мелькнула и пропала, потому что сказано это было с какой-то болью в голосе. Затем голос продолжил уже немного спокойнее и со знакомой иронией:

– Разве что, пожалуй, можно попробовать понять. Но и это не обязательно.

– Именно в этот момент Павел Семенович почувствовал, как, казалось бы, абстрактный спор задевает лично его.

– Кого понять?" – воскликнул он уже не полностью контролируя себя – Того кто хотел застрелить тебя только за то что ты еврей? Не хочу я его понимать и не буду.

А его странный собеседник продолжал как ни в чем не бывало:

– А вот если бы вы встретили сегодня на улице одного из тех, кто стоял там, в Понарах, над обрывом? Что бы вы сделали?

– Я? – пытался собраться с мыслями Павел Семенович, но его опять прервали:

– Давайте упростим задачу. Пусть это будет не садист, получающий удовольствие от казни, вроде.."

– Вроде кого?

– Да нет, неважно. И пусть это будет не тот, кто подписывал...

Сердце Павла Семеновича пропустило удар.

– Что подписывал? – спросил он хриплым голосом.

⁹ "Неможно" вместо "невозможно" – типичная оговорка литовцев, говорящих по русски.

– Приказы, конечно. Что с вами?

– Нет, ничего. Продолжайте – он очень надеялся, что голос не дрогнет. И он не дрогнул.

– Пусть это будет один из тех восторженных придурков что по глупости попали в Особый Отряд¹⁰.... – продолжил ироничный голос в углу.

– А вам ведь действительно не все равно – с удивлением произнес Павел Семенович – Мало кто слышал про Особый Отряд. Конечно, мне трудно представить себе такого придурка здесь, в этой стране, но разве что теоретически... – он сделал выразительную паузу.

– Да, именно теоретически.

Павел Семенович задумался. Почему-то именно сейчас, наедине с невидимым собеседником, ему захотелось ответить максимально честно.

– Не знаю... – сказал он – Вы конечно ждете чего-нибудь вроде “своими руками задушил бы поганца!!” Раньше, много лет назад я бы так и поступил. А теперь все оно перегорело что-ли. – и повторил – Не знаю. Наверное просто вызвал бы полицию и сдал бы его как можно быстрее чтобы не испачкаться.

– И вы бы даже не захотели спросить его? – прозвучал вопрос из угла. Но прозвучал как-то легковесно, даже робко. Казалось будто незнакомец сам боится ответа.

– Спросить? О чем? – теперь Павел Семенович решитель-

¹⁰ Специальный отряд СД, состоявший из литовских добровольцев.

но не понимал сути разговора.

И тут таинственный человек начал выходить из тени. Он с видимым трудом поднялся с больничной кровати в углу и подошел к окну. Теперь Павел Семенович мог его видеть. Ничего особенного не было в его новом соседе. Не было в нем и ничего таинственного. Павлу Семеновичу на миг померещилось, что не было этого странного диалога, не было непонятных вопросов, иронии в голосе, смутно знакомых оговорок и удивительного акцента. Как будто он только сейчас вошел в комнату и надо бы познакомиться. Он даже хотел поздороваться и представиться, но вовремя опомнился, сбросив наваждение, преодолев его как дежа-вю после тяжелого и продолжительного сна. Сосед стоял в пол-оборота, так что его профиль четко вырисовывался на фоне белой стены. Человек как человек, пожилой, наверное ровесник или около того, фигура несколько сторблена, Наверно – болезнью – подумал Павел Семенович, запоздало вспомнив, что напротив него безнадежно больной. И тут сосед повернулся и взглянул на него в упор. Бог весть что ожидал увидеть Павел Семенович, но ничего особенного он не увидел. Лицо как лицо, старческие морщины, немного обвисшая линия рта. Вот только глаза, глаза незнакомца смотрели на него странно, как будто тот ожидал какой-то реакции, узнавания, удивления. А Павел Семенович решительно не собирался удивляться. Пауза затягивалась. По лицу незнакомца несколько раз пробежала волна мышц, как будто он хотел что-то ска-

зять, но не мог решиться. Наконец он заговорил и его голос звучал ровно и неестественно спокойно:

– Что-же это мы как не родные, все на вы и на вы. Я за 30 лет как-то отвык выкать – он помолчал, и, вероятно, окончательно что-то решив для себя, продолжил – Меня зовут... – казалось он запнулся на долю секунды – Меня зовут Реувен Фаенсон. Тоже из Вильнюса и тоже из гетто...

Много лет назад Павла Вуколова, тогда еще младшего лейтенанта, командировали на полигон под Семипалатинском. Ничего ему не объяснили, взяли с него очень суровую подписку о неразглашении государственной тайны и велели сидеть тихо и записывать показания непонятных приборов. А еще ему приказали надеть темные очки, подобные тем, что надевали пилоты в старых фильмах, и ни за что эти очки не снимать. Очки закрывали половину лица и это было очень неудобно, на полигоне было жарко и пот заливал лицо, но молодой офицер пуще всего боялся невыполнения приказа, что и спасло ему зрение. В тот момент, когда взорвался заряд, Павлу на миг показалось, что мир изменился, изменились законы физики, которые он учил в детстве. Этот безумный, неестественный свет не мог, просто не имел права существовать в нашем мире. Казалось что вселенная вывернулась наизнанку и не хотела возвращаться назад. Потом потускнел лиловый гриб и вселенная постепенно вернулась в свое прежнее состояние. С годами воспоминания потускнели, но и через годы он четко помнил это ощущение невоз-

возможности, нереальности происходящего.

И то же самое случилось сейчас. Происходило нечто подобное тому давнему семипалатинскому взрыву. Мир встал на дыбы и снова стал невозможным, невероятным, неправильным. Павел Семенович, еще не придя в себя судорожно всматривался в лицо незнакомца, стараясь отыскать в них знакомые черты. Но не было, не было в этом лице ничего знакомого. Не мог этот человек быть тем, кем он себя называл, не мог хотя бы потому, что Павел Семенович своими глазами видел... И может быть для того, чтобы прервать эти воспоминания он хрипло пробормотал:

– Но ведь вся семья Фаенсонов... У меня на глазах... Лейтенант Клокке... – он не договорил, подозревая, что он говорит совсем не то, что следовало сказать. А что следовало сказать? Этого растерянный Павел Семенович решительно не понимал. Но незнакомец, казалось, его прекрасно понял:

– Все верно. Энрикас Клокке застрелил их...

– ... Выстрелил в затылок – машинально произнес Павел Семенович, хотя этого, наверное тоже не следовало говорить. А почему не следовало, подумал он? И что именно надо было сказать?

– Да, в затылок. Всем, даже младшим, даже детям... Всем, кроме Реувена. Мне он выстрелил в лицо... А еще там была семья Лошоконисов... – начал было его оппонент, но Павел Семенович прервал его:

– Но как же вы...?

– ... ты – последовала немедленная поправка.

– Как же ты...? – машинально повторил Павел Семенович и замолчал, толком не представляя, что именно ему следует спросить.

– Ты знал Реувена? – прозвучало от окна. Он судорожно кивнул. В горле внезапно пересохло и, казалось невозможным произнести хотя бы слово. А человек у окна продолжал:

– Помнишь, как несколько еврейских семей, в слепом порыве ассимиляции, послали своих детей в литовскую гимназию? Там еще были Реувен Фаенсон и Натан Йозефавичус. Так ведь, Натан?

Натан! Это же его имя! Так его звали давным-давно, много лет тому назад, еще до провонявшего смертью окопа в Померании, до подслеповатых коридоров артиллерийского училища, до бесчисленных пыльных гарнизонов. Он задвинул это полузабытое имя далеко-далеко, в темные подвалы памяти, туда, где хранились острые шпили Святой Анны, синагога на Еврейской улице, замок Гедиминаса на холме и обрыв в Понарах. И теперь он узнал человека у окна. Это Павел Вуколов не знал его, да он и не мог знать. Но Натану Йозефавичусу был хорошо знаком тот, с кем он просидел долгие три года за одной партой. Натан невольно отошел на шаг назад и скорее прохрипел чем сказал:

– Так это ты?!

Человек у окна казалось не слышал его и продолжал:

– ... Учитель Лошоконис рассадил их среди литовских де-

тей. Натану досталось сидеть...

– Альгис? Ты Альгис? Альгис Вайткус? – Натану наконец-то удалось совладать со своим голосом.

– Я был Альгисом Вайткусом.

– И ты..

– Да, Альгис расстреливал людей в Понарах. Молодой, неопытный дурак.

Вселенная решительно не собиралась вернуться в свое исходное состояние. Все было неправильно, все было не так, все было вывернуто наизнанку. "Почему он говорит о себе в третьем лице?" подумал Натан. Наверное, он сказал это вслух, потому что Альгис ответил ему:

– Не знаю. Мне так удобнее – его слова прозвучали неуверенно, видимо он и сам не понимал себя, как-будто и его мир был вывернут наизнанку.

– И ты убил Фаенсонов!? – на Натана начала накатываться неконтролируемая волна гнева.

– Нет, их убил Энрикас Клокке. А Альгис убил Лошоко-нисов.

Понары, Литва, 1942

– Тебе следует называть меня Генрих¹¹— сказал Энрикас Клокке ровным, глубоко модулированным голосом. Помолчав, он продолжил:

– Впрочем – нет. Будет лучше, если ты будешь обращаться ко мне – господин лейтенант.

Лейтенант Клокке выглядел солидно до невозможности и форма Вермахта сидела на нем почти как влитая. Именно это "почти", оставляло смутное подозрение в том, что носитель ее еще не совсем с ней обвыкся. Как известно, для истинных штабных щеголей мундиры являются продолжением эпидермиса, без всяких там "почти". А для того, чтобы выглядеть фронтовиком, Энрикасу явно не хватало той аккуратной небрежности, которой можно научиться только в прифронтовых блиндажах. И все же Энрикас был великолепен.

Он стоял, заложив руки за спину, и все в нем было настолько идеально, что не было в его лице ни одной черточки, за которую можно было бы зацепиться взглядом. Чистая кожа лица давно забыла про юношеские прыщи, а может быть – помог одеколон. Серые глаза на лице лейтенанта были рас-

¹¹ Литовское имя Энрикас соответствует немецкому Генрих.

ставлены не слишком широко, но и не слишком близко к носу. С глазами гармонировали слегка, в самую меру, оттопыренные уши. Нос же, в свою очередь был именно такой как надо: солидный, но не чрезмерно большой. Истинно арийский нос. Этот самый нос Альгис своротил ему набок лет этак шесть назад во время короткой, но славной драки во дворе гимназии. Очень хотелось верить, что Энрикас давно забыл про тот случай, так как на его снисходительность надежд было мало.

– Слушаюсь, господин лейтенант Генрих – бодро выкрикнул Альгис, внутренне усмехнувшись.

– Не юродствуй, – сказал Энрикас, поморщившись – а то забуду что мы учились вместе.

– Ты узнал учителя Лошокониса? Впрочем это я был у него лучшим учеником, а не ты – добавил он, указав на левый фланг шеренги неподвижных людей на краю обрыва.

Альгис, конечно помнил, что лучшим учеником был он, Альгис Вайткус, но оговорка Энрикаса была вполне простибельна, ведь Клокке так старался быть лучшим. Альгис подошел поближе к краю шеренги. Люди, мужчины, женщины и дети стояли спиной, но не узнать учителя Лошокониса было невозможно. Когда он писал на доске в классе, то тоже стоял спиной. Учитель был невысокого роста и Альгис, вымахавший выше всех в последних классах, мог, приподнявшись на парте, видеть розовую учительскую лысину. Видел он ее и сейчас.

– Что он здесь делает? Да еще с женой и внуками? – воскликнул он, от волнения забыв добавить "господин лейтенант".

Похоже, что лейтенант Клокке был настроен сегодня снисходительно.

– Уже ничего – сказал он почти что добродушно – Он уже все сделал когда укрывал евреев. А теперь делать будешь ты. Помнишь, что следует делать с укрывателями?

Альгис помнил. Помнил очень хорошо, даже слишком хорошо. Но Энрикас ждал ответа. И Альгис ответил, надеясь что его голос не дрогнет. Нет, голос не дрогнул и фраза прозвучала ровно и без эмоций, к удовольствию лейтенанта:

– Помню, господин лейтенант. Всех?

– Да, всех.

– И детей?

– И детей тоже. А ты что думал?

Действительно, о чем же думал Альгис? Он уж точно не думал, что придется убивать своего учителя. И он не думал, что там будут дети. Похоже, раньше он вообще не слишком думал. А сейчас думать было поздно. Тем временем Энрикас продолжил:

– А Реувена помнишь? Реувена Фаенсона. Именно его семью прятали Лошоконисы. Впрочем, Фаенсоны – это уже моя забота. А твоя – Лошоконисы.

Альгис стоял у левого фланга шеренги неподвижных людей, судорожно сжимая "люгер" врученный ему лейтенан-

том. Ему еще не приходилось стрелять человеку в затылок, но он много раз видел как это делается. Они всегда падают вперед, помнил он, так что при известной ловкости можно не запачкаться. Лишь бы ошметки мозга не брызнули во все стороны. Но и это легко отмывается. Госпожа Лошоконе¹² стояла в начале строя, но Альгис первым убил старого учителя, возможно потому, что в его так хорошо знакомую лысину трудно было не попасть. Потом пришел черед его жены. У нее были распущены волосы и Альгис увидел, что она давно не красилась, волосы были уже наполовину седые. Война, подумал Альгис, где сейчас достать басму. У Лошоконе была целая грива полуседых волос и Альгис боялся, что пуля пройдет через них минуя голову. Но он напрасно боялся – пуля вошла куда надо. А следующим был ребенок. Внук. Альгис видел его перед войной но не помнил его имени. Юргис, что ли? Да нет, вряд-ли. Откуда у учительского внука деревенское имя. Но этот белобрысый затылок он определенно уже видел. Нужно было выстрелить. А потом сделать два шага в сторону и убить девочку, внучку. Но Альгис не выстрелил...

¹² Окончание литовских фамилий для замужних женщин.

Больница "Ланиадо", Нетания, Израиль, 1998

Альгис сделал паузу, и только теперь Натан осознал, что он уже давно сидит молча и слушает неторопливый рассказ. Наверное это размеренный голос Альгиса, лишенный, казалось бы, каких-либо эмоций, погрузил его в ступор, подобный гипнотическому сну. Сделав над собой усилие, Натан саркастически воскликнул:

– Ясное дело, ты застрелил Клокке, перебил охрану и вывел всех в лес.

Альгис, не отреагировав, продолжил:

– Альгис бросил пистолет...

– Да, и заплакал горькими слезами раскаяния – ехидно вставил Натан.

– .. Он сел и сидел тупо смотря перед собой пока Энрикас не сбил его на землю, ударил несколько раз сапогом... – казалось ничто не может прервать этот размеренный, лишенный модуляций, голос.

– Ах ты бедняжка. Что, больно было? – это Натан уже почти выкрикнул не в силах избавиться от наваждения. А размеренный голос продолжал:

– Потом Энрикас поставил Альгиса на ноги и заставил

смотреть как он убивает Фаенсонов. Но вначале Энрикас застрелил маленьких Лошоконисов. Он сделал это походя, как будто они были ему не интересны. Ты ведь помнишь Клокке из айнзатцгруппы¹³?

Конечно, Натан помнил, но не успел открыть рот. А Альгис монотонно тянул:

– Литовская пылкость органично сочеталась в нем с немецкой добросовестностью. Он ничего не делал просто так, этот Энрикас. Ведь Альгис уже расстреливал людей. Но то была расстрельная команда, где каждому хочется думать что это не его пуля...

– И ты, конечно, всегда стрелял в воздух – выкрикнул Натан только чтобы прервать это монотонное бормотание.

– Нет, Альгис не стрелял в воздух – впервые в голосе Альгиса прозвучали эмоции – И все же так было легче. А тут Энрикас дал ему свой пистолет и приказал стрелять в затылок. Он сам так делал, ты наверное знаешь.

– Знаю – неопределенно сказал Натан. Теперь в его голосе исчезли эмоции. Альгис удивленно на него взглянул, помолчал немного и продолжил:

– ...И только Реувену он выстрелил в лицо. Но зачем ему нужен был Альгис? Зачем он так поступил? Зачем дал Альгису свой “люгер”. Что ему нужно было?

– Почему ты все время говоришь о себе в третьем лице? – гнев снова начал затоплять сознание Натана.

¹³ "Эскадрон смерти" СД.

– Мне так удобнее.

– Не поможет! Это ты, Альгис Вайткус, стрелял в евреев в Понарах. И это ты убил Лошоконисов – он уже не сдерживал себя и кричал в полный голос не боясь того, что его услышат.

– Да, это был... я – Альгис произнес это тихо и медленно, запинаясь на каждом слове, как будто сам не веря тому что сказал. Перед тем как произнести "я" он сделал глубокую паузу, по-видимому не сразу решившись на такую категоричность.

– Ты! И тебя будут судить. Ты будешь сидеть за решеткой, а люди будут показывать на тебя пальцем как на животное – выкрикнул Натан ему в лицо.

– Заманчивая картина – почти весело ответил Альгис. Кажется, к нему уже вернулась прежняя ироничность – Но, боюсь, ничего не выйдет. Вначале, наверное, будет следствие, долгое и основательное. Будут искать свидетелей, документы. У нас это умеют, ты же знаешь. Или не знаешь? Неважно. Я, конечно, во всем признаюсь, как признался тебе, но и это не намного ускорит процесс, который займет месяцы, если не годы. Потом Литва потребует экстрадиции, потом наш верховный суд эту просьбу рассмотрит. А мною уже давно будут лакомиться черви. Моя левая почка позаботится об этом, а правая ей с радостью поможет.

А ведь он умирает, вспомнил Натан. Но жалости к этому человеку в нем не было.

– Значит тебе снова удастся сбежать? Как в 44-м?

– Не знаю – ироничность опять куда-то исчезла, голос Альгиса был нерешительным, в нем появились заискивающие нотки.

– Может...Может быть ты возьмешься судить меня? – и снова все изменилось. Альгис заговорил быстро, голос его, потеряв ироничность, приобрел вескость. Он, как будто хотел убедить не только Натана. но и себя самого:

– А что? Будешь дознавателем, прокурором и судьей. А если хочешь, то и исполнителем приговора. Мы что-нибудь для этого придумаем. У нас, евреев, всегда найдется неординарное решение.

– Да какой ты еврей?! – до Натана еще не дошел смысл альгисовских слов, но слово "еврей" подействовало на него как лакмусовая бумажка на насыщенный раствор.

– Как скажете, Павел Степанович – ехидно парировал Альгис, напирая на имя-отчество.

Натан, давно уже стоящий на ногах, упал в удачно подвернувшееся (а может быть и поставленное Альгисом) кресло и пробормотал:

– Судить?

– А что? Свидетельские показания не понадобятся ввиду чистосердечного... Ну ты же понимаешь...Взвесишь все за и против.

– Какие еще "за"?

– Ты судья, тебе виднее.

– Похоже ты хочешь исповедоваться. Но я тебе не ксендз.

– Да и я с 41-го не ходил к причастию. Последние годы я все больше в синагогу (немалое усилие воли понадобилось Натану, чтобы сдержаться при этих словах). У нас, евреев (и опять Натан сумел сдержаться, стиснув зубы), ведь нет отпущения грехов. Но высший суд есть и у нас. Правда сегодня не Йом Кипур¹⁴. Так что вся надежда на тебя.

– Надежда!? – сдерживаться уже просто не было сил – На меня!? Да тебя надо немедленно сдать ... в полицию, в зоопарк, в кунсткамеру, не знаю куда! Не понимаю, зачем я вообще тебя слушаю.

– Зато я понимаю. Тебе очень хочется узнать как из убийцы евреев Альгис сам стал евреем, израильтянином и сионистом... Стал Реувеном.

– Ты не Реуен, никогда им не был и никогда не будешь!! – выкрикнул Натан уже понимая, что этот мерзкий нацист прав и он действительно хочет понять этого подлеца. Хочет понять, почему он здесь, в еврейской стране, что он здесь делает и чем он, черт побери, дышит. И Натан, глубоко вздохнув раз или два, процедил сквозь зубы:

¹⁴ Судный День.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.